

*Маме,
которой я обязана всем.*

ПРОЛОГ

ЗВЕРЬ

Девочка родилась глубокой темной ночью. Она шла ножками вперед, и повитухе Марте пришлось ухватить ее за пятки, чтобы вытянуть из утробы. Беспрепятственно выскользнув наружу, дитя обмякло на руках у Марты и осталось лежать неподвижно, как камень.

Дочь повитухи издала протяжный стон, шедший из самой глубины ее чрева. Она вцепилась в подол ночной сорочки, почерневший от крови, и даже не протянула рук к младенцу. Девушка лишь отвернулась и, прижавшись щекой к кухонному столу, уставилась в окно над раковиной, устремив взгляд в лес.

— Имя, — потребовала она, ярко сверкнув глазами в лунном свете. — Назови мне ее имя.

Повитуха перерезала младенцу пуповину и запеленала в лоскут мешковины. Девочка, прижатая к груди повитухи, была холодна, как ледышка, и та сочла бы ее мертвой, если бы не имя, свербящее у нее в горле, на вкус горькое, как желчь, и вместе с тем сладкое, как вино. Вкус имени, которым нарек ее Отец. Но произносить его вслух она не спешила.

Собрав остатки сил, девушка повернулась к повитухе.

— Имя. Мне нужно знать ее имя.

— Иммануэль, — наконец процедила та, словно проклятие. — Ее будут звать Иммануэль.

Услышав эти слова, девушка на столе растянула в улыбке посиневшие губы. А затем расхохоталась тошнотворным булькающим смехом, что разлился по всей кухне и выплеснулся в гостиную, где сидели остальные члены семьи, ожидая и прислушиваясь.

— Проклятие, — прошептала она, продолжая улыбаться сама себе. — Маленькое проклятие, как она и говорила. Все в точности, как она и говорила.

Повитуха крепко прижала дитя к груди, сцепив пальцы в замок, чтобы унять дрожь, и посмотрела на дочь, неподвижно лежащую на столе в луже темной крови, натекашей меж ее бедер.

— Как говорила кто?

— Женщина в лесу, — прошептала девушка на последнем издыхании. — Ведьма. Зверь.

ЧАСТЬ 1

КРОВЬ

ГЛАВА 1

Из света вышел Отец. Из темноты — Мать. Это было начало, и это был конец.

Священное Писание

Иммануэль Мур стояла на коленях у подножия алтаря, открыв рот и молитвенно сложив ладони. Над ней, в одеянии из черного бархата, с колюче обритой головой, возвышался пророк, раскинув окровавленные руки.

Она посмотрела на него исподлобья, очертив взглядом длинный, рваный шрам, рассекавший его шею с одной стороны, и подумала о своей матери.

Пророк, прошелестев сутаной, отвернулся от нее и встал лицом к алтарю, где лежал выпотрошенный ягненок. Он опустил ладонь животному на голову, а пальцы другой руки погрузил глубоко в рану. Когда он снова повернулся к Иммануэль, кровь текла по его запястью, исчезая в темных складках рукава. Несколько капель упали на запачканный дощатый пол у его ног. Пророк помазал девушку кровью, теплыми и твердыми пальцами спустившись от верхней губы к подбородку, и после застыл на мгновение, словно переводя дыхание. Когда он заговорил, голос его звучал нетвердо.

— Кровь паствы.

Иммануэль облизала губы и поднялась на ноги. Привкус соли и железа остался на ее губах.

— Во славу Отца.

Возвращаясь к своему месту на скамье, она старательно отводила глаза от ягненка. Она сама привела его сюда прошлой ночью, в качестве дани, как подношение из дедовой отары, когда в соборе было темно и пусто. На заклатие она не осталась — извинилась и удалилась задолго до того, как апостолы занесли свои топоры. И все равно услышала, когда бляенье ягненка, словно плач новорожденного младенца, заглушило их молитвы.

Иммануэль наблюдала, как поочередно проходили через обряд остальные члены ее семьи, пока каждый из них не был помазан кровью. Первой шла ее сестра Глория — она, опустившись на колени, одарила пророка улыбкой. Мать Глории, Анна, младшая из двух жен Мур, благословила второпях, ведя за собой свою вторую дочь, Онор, которая слизывала с губ кровь, словно это был мед. Наконец, благословение пророка приняла Марта, старшая жена и бабушка Иммануэль. Она вскинула руки, и пальцы ее дрожали, когда все ее тело омыло силой света Отца.

Иммануэль хотела бы испытать то же, что ее бабушка, но, сидя на скамье, она ощущала лишь тепло крови ягненка, оставшееся на губах, и мерный гул сердцебиения. Ангелы не спустились к ней на плечи. Она не почувствовала внутри ни духа, ни бога.

Когда последний из прихожан сел, пророк воздел руки к потолку и приступил к молитве.

— Отец наш, мы стоим пред Тобой, Твои верные слуги и ученики, готовые исполнить волю Твою.

Иммануэль поспешно опустила голову и крепко зажмурилась.

— Кто-то из нас может быть далек от веры наших предков, нем к прикосновению Отца и глух к Его голосу. За них я взываю

к Его милости. Я молюсь, чтобы они нашли утешение не во тьме Матери, а во свете Отца.

При этих словах Иммануэль приоткрыла один глаз, и на мгновение ей показалось, что пророк смотрел прямо на нее. Его широко распахнутые даже в пылу проповеди глаза следили за ней промеж склоненных голов и сотрясающихся плеч. Их взгляды встретились, и пророк быстро отвернулся.

— Да придет царствие Отцово.

— *Отныне и во веки веков,* — в унисон подхватила паства пророка.

Иммануэль и ее подруга Лия лежали на берегу реки, плечом к плечу, разморенные теплом полуденного солнца. Поодаль отдельной компанией собирались остальные прихожане. Для большинства жертвоприношение, омрачившее мессу, успело стать далеким воспоминанием. Все было мирно, и прихожане охотно радовались этому.

Лежавшая рядом с Иммануэль Лия перевернулась на спину, разглядывая облака, густо нависшие над головой. Она была чудо как хороша в платье из небесно-голубого шифона, юбки которого мягко раздувались на ветру.

— Хороший сегодня день, — сказала она и улыбнулась, когда порыв ветра тронул ее волосы.

В Писании и преданиях, в соборных витражах и на картинах, которые украшали каменные стены, ангелы всегда выглядели как Лия: златовласые и голубоглазые, раздетые в тонкие шелка и атлас, с округлыми щеками и кожей, бледной, как речной жемчуг.

А вот о девушках вроде Иммануэль — о девушках с Окраин, темнокожих, с черными, как вороново крыло, кудрями и острыми, как бритва, скулами — в Писании вообще не упоминалось. Их образы не увековечивали в портретах и статуях,

им не посвящали стихов и романов. Они оставались незамеченными и невоспетыми.

Иммануэль постаралась выбросить эти мысли из головы. Она не хотела завидовать подруге. Если кто в этом мире и заслуживал любви и восхищения, так это Лия. Лия с ее терпением и добродетелью. Лия, которая, когда другие дети отвергли Иммануэль, называя ее плодом греха, пересекла школьный двор, подошла к ней, крепко взяла за руку и вытерла ее слезы своим рукавом.

Лия, ее подруга. Единственная подруга.

К тому же, Лия была права: день стоял изумительный. Практически безупречный, если бы не то обстоятельство, что сегодняшняя суббота была одной из последних в своем роде — одной из последних суббот, которые они проведут вместе.

В течение многих лет, каждую неделю они встречались после окончания службы. В зимние месяцы — устраивались на пустой скамье в задней части собора и коротали время за сплетнями. В теплое время года Лия приносила большую корзину для пикника, доверху набитую выпечкой из их семейной пекарни в деревне. В особенно счастливые дни они обнаруживали там россыпь печенья и сдобы, булочек и кексов, а в самые счастливые — медовые соты или варенье. Вдвоем они находили местечко у ручья и уплетали сладости, болтая и смеясь, пока их не звали по домам. Так было у них заведено, словно в те долгие дни мир начинался и заканчивался там, на лугу у реки. Но, как и большинство хороших вещей в жизни Иммануэль, этому не суждено было длиться долго. Через две недели Лия собиралась сыграть свадьбу с пророком. В тот день, когда она получит печать, она перестанет быть спутницей Иммануэль, и станет его спутницей.

— Мне будет не хватать этих дней, — нарушила молчание Лия. — Мне будет не хватать сладостей, наших суббот и времени, проведенного здесь с тобой.

Иммануэль пожала плечами, выдергивая травинки, и проследила взглядом за течением реки, убегающей вниз по холмистой равнине и через камыши утекавшей в далекий лес, где она исчезала, проглоченная мраком.

То, как река струилась меж деревьев, вызывало в Иммануэль необъяснимое желание подняться на ноги и последовать за ней.

— Все хорошее когда-нибудь кончается.

— Ничего не кончается, — возразила Лия. — Все только начинается. Мы взрослеем.

— Взрослеем? — хмыкнула Иммануэль. — У меня даже дни крови не начались.

Это была правда. В ее почти семнадцать у Иммануэль еще ни разу не было месячного кровотечения. У всех ее ровесниц кровь приходила уже много лет, но не у Иммануэль. У всех — кроме Иммануэль. Марта уже несколько месяцев назад готова была объявить ее бесплодной. Если у нее не пойдет кровь, она никому не станет женой и никогда не выносит ребенка. Она останется такой, как сейчас, а все остальные вырастут, оставив ее позади, как оставит ее Лия через несколько коротких недель. Это был лишь вопрос времени.

— Начнутся рано или поздно, — решительно сказала Лия, будто своим заявлением могла воплотить слова в жизнь. — Ты только дай время. Эта болезнь пройдет.

— Это не болезнь, — сказала Иммануэль, ощущая на губах привкус крови ягненка. — Это грех.

Какой именно грех, Иммануэль не могла бы сказать точно. Слишком часто она сворачивала на кривую дорожку: тайком читала, нарушая Священные Предписания; забывала о вечерней молитве и засыпала без благословения. Возможно, она слишком часто витала в облаках по утрам на пастбище вместо того, чтобы пасти овец. Или, возможно, не выказывала должной благодарности, когда получала на ужин миску холодной каши. Иммануэль знала одно: на ней висело слишком много грехов, чтобы